

Я шагала вниз по узкой винтовой лестнице вслед за дядей. Широкий разворот плеч, подчеркнут светлым дорогим сукном рубашки, пренебрежение правилами – дядя крайне редко собирает в хвост свою буйную гриву, и никакой нарочитой хромоты. Трость осталась в гостинной. Надо признать, что Старший у нас ещё очень интересный мужчина. В самом рассвете сил, представительный, и из той самой старо-имперской аристократии, коих можно пересчитать по пальцам. Не так много этих старых родов осталось, тех, которые помнят грань. Может познакомить его с кем-нибудь? После смерти тети Софи дядя удалился в поместье и уже много лет держит маску немного эксцентричного затворника, которого не интересует политика, но мы то знаем.

У клана несколько домов, и в Керне и в столице Империи, и за горным перевалом, на границе с Мирией, но родовое поместье только одно, здесь, в Долине. Занюханная провинциальная глубинка, как презрительно называл мой дом сир Квинт. Провинциальная – возможно, занюханная – вряд ли. Действительно, после нас только владения Хэсау за восточным хребтом, узкая полоска граничной суши и Мирия. Слева леса и топи западных пределов, на юге шахты и владения скорпиксов. Раньше род Блау называли породнившимися, а как иначе? Удерживать темных тварей с трех сторон, и умудриться не просто выживать, а жить совсем неплохо. Это ли не договор с Гранью?

В народе ходили байки, что Блау ходят пешком по гнилым болотам, и ни яд скорпиксов, ни клыки псаки, не возьмут истинных представителей рода. Крайне сомнительное утверждение, но ничем, как сумасшедшей удачей и покровительством Великого не объяснишь, как выжила светлая девчонка со вторым кругом, проведя в пещерах скорпиксов две луны.

Конечно, сейчас состояние клана шаткое, живых денег нет, людей не хватает, но есть деньги мертвые. Старое золото, то, что не купишь ни за какие деньги. Гримуары, артефакты, яд и шкуры скорпиксов. Мое приданое было таким, что даже Квинты польстились, несмотря на наличие «светлого мусора второго круга», которое к этому приданому прилагалось. Раньше я думала, что Дарин любит, и поэтому не побоялся разбавить кровь детей, ведь семья это дети, правда? Но семьи не предполагалось.

Отсыревшие каменные ступеньки скользили, чадили простые факелы – никакого магического огня так близко к источнику, никаких лишних магических возмущений.

Здесь, глубоко под землей, в самом центре долины, на пересечении силовых меридианов, билось сердце рода Блау, его Алтарь и источник.

Говорят род жив, пока жив источник, но я авторитетно заявляю, что это не правда. Род жил, пока билось сердце последней из Блау. И источник, и алтарь к тому моменту были полностью разрушены, единственное наследство, которое я тогда получила – это три мертвых родовых перстня и остатки дядиной темной библиотеки. Три родовых печати. По одному на каждого. Дядя. Брат. Данд.

Внизу ничего не изменилось. Последний раз я спускалась в алтарный зал в шестнадцать, правильнее будет сказать, когда брат притащил меня к источнику, практически спустив кубарем по ступенькам, так он был зол. Дядя не вмешивался. Это была первая и последняя попытка пробудить во мне силу крови. Я не хотела, я сопротивлялась, молчал источник, молчали предки, и только алтарь откликнулся легким родным свечением. Если бы не это, я боюсь, у семьи возникли бы серьезные сомнения, а не подменил ли кто дочь рода на это странное капризное существо.

Существо. Это существо. Именно так говорил обо мне Квинт Дарин. Это и существо. Не

невеста. Не дочь рода Блау. Это существо. Не думать об этом. Не сейчас. Квинты свое получают. Блау всегда возвращают свои долги.

Дядя остановился на границе входа в алтарный зал, надрезал кончик пальца, и кровью начертил руны доступа мне на лбу и запястьях. Все верно. Пробужденный может войти всегда, спящие члены рода только по приглашению, именно поэтому мне так нужен был дядя.

Теплым ветром по щекам пробежала родная энергия, источник узнал меня и приветствовал. Дядя дернулся, но не успел, я уже шагнула в зал и источник запечатал комнату. Прости дядя, но сначала нам нужно пообщаться отдельно.

Толстая каменная плита в центре круглого зала излучала неяркий свет и легкую вибрацию. Я положила пальцы на алтарь и закрыла глаза, впитывая энергию. В голове шумело, тысячи лиц вереницей проходили перед моими лазами, тысячи касаний рук, тысячи слов, предки приветствуют дочь Блау. Я восемнадцать лет была этого лишена. Я восемнадцать лет была одна, без поддержки рода. Я так устала. Я смертельно устала.

Глубоко внутри, там, где всегда была пустота, которую никто не мог заполнить, где прогрызли дыру чувство вины и воспоминания, начал зарождаться свет. Любовь рода исцеляет, любовь рода дарует, любовь рода лечит.

Блау всегда хранят Блау.

Духи предков врачевали мою душу, а я плакала и не могла остановиться. Слезы катились из закрытых глаз, это все подростковые гормоны, да, это просто гормоны переходного возраста.

Я показывала им смерть Данда, казнь брата, показывала разрушенное поместье и покореженные остатки алтаря, показывала истлевшие кости с родовой дядиной печатью на пальцах скелета, показывала полевые госпитали и армию не-мертвых, показывала предательство и смуту, показывала конец рода Блау.

Я не знаю, кто меня вернул и зачем, но мне нужна сила рода, чтобы справиться, мне нужна поддержка рода, чтобы сохранить семью, мне нужна ваша сила.

Я выдохлась.

Источник негромко вибрировал. Предки взвешивали чистоту моих намерений и силу духа, я открыла всё, как есть, показала всё, как есть, теперь решение за ними, как сохранить род, решать им.

Я почувствовала, как защита алтарного круга погасла. Значит, предки приняли решение и приглашают Старшего засвидетельствовать волю Рода.

Дядя шагнул в круг. Я давно не видела его таким растрепанным. В волосах запутались паутина и мусор, белоснежная с утра рубашка стала серой, начищенные сапоги запылились. Пытался взломать круг и защиту?

Дядя остановился за моим левым плечом. Я сразу почувствовала себя спокойнее и увереннее. Чтобы не решили предки, если спину Блау прикрывает другой Блау, мы можем практически все, жаль, что я так поздно это поняла.

Энергия светлячками закружилась по залу, и на потолке проявился родовой гобелен. Весь. Родовой гобелен. Дядя вздрогнул. Все Блау, живые и почившие, бывшие и будущие, все связи и

долги рода. На левой руке серебристой искрой расцвела личная родовая печать, мой перстень, знак пробуждения моей крови.

Право иметь голос в роду. Право решать за себя. Право говорить от лица Рода.

На потолке гобелена засияла новая звездочка – крошечная точка в мириаде переплетений родовых линий – Вайю Юстиния Блау. Вайю дочь Юстиния из рода Блау. Рядом светилась ровным светом более яркая звезда – брат, Аксель Септимус Блау. Седьмой Аксель в роду Блау.

Я всегда считала это крайне несправедливым. Девочки – только дочери кого-то и часть рода, а мужчины сами по себе, как будто у них совершенно другие отцы. Когда я жаловалась на эту огромную несправедливость, Аксель смеялся и шутливо щелкал меня по носу. Брат говорил, что Вайю Юстиния звучит гораздо лучше, чем Вайю Секундус. Я – вторая Вайю в роду Блау.

А первую леди Вайю я лицезрела сейчас перед собой. Тонким серебристым маревом над гранитной плитой алтаря, соткалась полупрозрачная фигура Светлой Леди. Именно в честь этой первой светлой Блау меня и назвал отец.

Одежда по моде четырехсотлетней давности, корона из кос и ледяное выражение лица, точно как на том портрете, который в свое время перевесили из библиотеки. Именно благодаря частице это светлой крови, я и ношу гордое звание «светлого мусора» в абсолютно темном роду «Породнившихся», сумасшедших Блау. Первая светлая сумасшедшая в темном роду. Ну, здравствуй, бабуля!

Дядя замер рядом. Глаза застыли в одной точке. Параллельные потоки? Источник показывает нам разное, я вижу Светлую Леди, а кого видит он? Сильны!

– Вайю..., – голос шелестел, перекатываясь под кожей, проявляясь в голове нечеткими символами. – Вайю...

Я склонила голову и сложила руки в традиционном приветствии светлых. Младший светлый приветствует Старшего. Как говорит Наставник, ни одному темному не дано проникнуться духом этого высокого искусства. И я вот за столько лет так и не прониклась.

– Девочка...у нас мало времени...много сил ушло. Дар знаешь. Силу знаешь. Спрашивай...

– Леди Вайю, – голос дрогнул, я все-таки первый раз напрямую общаюсь с предками Рода, – зачем меня вернули? Кто...заплатил за это?

– Десять, – гобелен на потолке закружился, приблизив созвездие из десяти темных погасших звезд, старое время, до исхода? Десять? Десять членов рода ушли без посмертия? Этим уплачено?

– Десять ушедших добровольно. Заплатили за совершенное... до исхода... род Блау уничтожил полностью ... была вира...и был уничтожен полностью. Теперь круг повернулся. Долгов нет. Вира уплачена...

– Почему не могли сделать этого прошлый раз? Почему? – я не понимала причин.

– Долг должен быть возвращен полной мерой. Род Блау был уничтожен. Теперь долгов нет. Уничтожившие уничтожены. Убившие вернулись в смерть.

Я задыхалась. Почему мы должны были заплатить такую цену. Почему именно мы. Почему

именно так. Разве виноват был брат? Дядя? В тех, ошибках, которые совершили со-родичи? Род всегда платит за ошибки всех своих детей. Платит тройную виру. Мы – заплатили.

Образ леди Вайю начал колебаться. Слишком большой расход энергии от источника, который давно не подпитывали жертвами и дарами.

– Главное – ты дар, дар Роду...Храни...Хранящая. Мужчины хранить не могут, это задача женщин. Обет молчания...только твоя задача...у каждого в роду своя задача. Уплачено за тебя ... чтобы сохранила род Блау и приумножала ...десять ушло, десять должно вернуться в род ...верни в род ...зажги новые звезды. Чего ты хочешь?

Хороший вопрос. Я хочу только одного: «Мести. Я хочу мести. Хочу, чтобы все заплатили за то, что сделали. Сдохли. Я хочу, что все они сдохли. Сдохли. Сдохли!».

– Месть запрещена. Мсти – и отомстят, это новый круг, – проекция бабушки заметно взволновалась. – Наказание – не-жизнь. Задача хранить и приумножать жизнь, растить любовь. Ради мести нет жизни, только ради любви.

Я почувствовала, как ногти впиваются в ладони. То есть оставить всё как есть, пусть живут, после того, что сделали? Что сделают?

– Не оставить...не простить...Блау всегда возвращают долги – добро и зло. Вернуть любой долг благо. Вернуть долг за благо – троекратное благо. Нельзя жить ради мести. Вернули право жить – во имя любви..., – голос светлой леди начал колебаться. – Выйти замуж...детей...трёх...муж войти в род...

Голова нещадно трещала. Я сидела на холодном полу, опираясь на алтарь, дядя поддерживал голову и легко похлопывал по щекам. Из носа капало, я отерлась пальцами, замарав утреннее платье – горячее, яркое, красное – алтарь всё таки взял своё свежей кровью.

– Вайю, вот так девочка, вот так. Ты перенапряглась. В первый раз у всех так. Молодец. Молодец, Вайю, ты справилась, молодец, – я вообще не помню, что дядя когда-нибудь так легко и свободно улыбался. Так улыбался Аксель до того, как уехал в Корпус. Нежно и шало, как мальчишка. – А теперь девочка, давай, покажи мне, что было в южных шахтах. Вайю, соберись, потерпи, осталось немного! Просто покажи мне, что ты видела...

<http://tl.rulate.ru/book/23579/486655>